

СЕКРЕТ ОБАЯНИЯ УЧЕНОГО И ПРОСВЕТИТЕЛЯ

К 90-летию со дня рождения Петра Романовича Заборова

Пушкинский Дом — это не только дом, в котором все обитающие в нем люди связаны общими интересами, взаимной привязанностью или просто слушаем. Пушкинский Дом — это еще и лес, все живые существа в котором взаимосвязаны, взаимообусловлены и взаимозависимы. Со временем лес становится иным, поскольку живые существа одно за другим уходят и на их место приходят новые, рано или поздно доказывающие свою необходимость для существования остальных. Петр Романович Заборов — на протяжении долгих десятилетий — один из самых заметных обитателей дома и в то же время едва ли не самый привлекательный обитатель этого прекрасного леса, один из самых необходимых для бесперебойной, полноценной и гармоничной его жизни.

14 мая 2021 года ему исполняется 90 лет.

Петр Романович родился в семье директора школы и педагога дошкольного образования. Его отец вступил добровольцем в ополчение и уже в ноябре 1941 года погиб на Ленинградском фронте. Петр Романович и во время блокады, и во время эвакуации в Пензе, и после возвращения в Ленинград жил с матерью, музыкальным воспитателем детских садов. Те, кто знают и любят Петра Романовича, но не знали его биографии, вполне обо всем этом могли бы догадаться.

В Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН он пришел в 1958 году по окончании аспирантуры в Ленинградском государственном университете и сразу начал работать в основанном за год до того Секторе взаимосвязей русской и зарубежных литератур, которым он впоследствии будет руководить на протяжении семи лет.

Здесь Петр Романович Заборов сложился как ученый, став видным специалистом по истории литературы. Его имя известно всякому, кто обращается к изучению русско-французских культурных связей, как в России, так и за ее пределами. Автор многочисленных работ по истории культурного взаимодействия России и Европы, в том числе монографии о восприятии Вольтера в России, вошедшей в «золотой фонд» мировой науки, инициатор и руководитель ряда научных проектов, комментатор, текстолог, редактор, — во всех этих многообразных «лицах» Петра Романовича различимы одни и те же устойчивые черты: масштабность научной мысли, высокий профессионализм, основательность и верность науке в сочетании с изяществом и легкостью, позволяющими ему свободно перемещаться по эпохам и странам.

Нет ни одного труда Отдела взаимосвязей, нет ни одного фундаментального труда Пушкинского Дома, выпущенных за эти годы, которые могли бы обойтись без участия Петра Романовича Заборова, как нет, пожалуй, ни одного сотрудника Института, который хотя бы раз не обращался к нему за профессиональной консультацией по самым разным вопросам — будь то расшифровка рукописей, будь то справка о том или ином персонаже, деятеле или событии культуры, будь то необходимость выслушать квалифицированное суждение по той или иной научной проблеме.

Он один мог бы легко заменить собою целый справочный отдел: обладая феноменальной памятью и уникальной эрудицией, Петр Романович способен

в любую минуту предоставить сведения по многим вопросам, относящимся к области гуманитарного знания.

М. П. Алексееву, решившему взять в созданный им Сектор взаимосвязей русской и зарубежных литератур молодого преподавателя французского языка в группах при Доме ученых АН СССР, и не мечтавшего о том, чтобы работать в Пушкинском Доме, пришлось, несмотря на свой высочайший авторитет, преодолевать сопротивление партийных и припартийных инстанций. Благодарность Петра Романовича переросла в восхищение ученика масштабом личности выдающегося ученого, одного из величайших гуманитариев XX столетия, гордость тем, что он превратился в его ближайшего помощника, и в искреннюю человеческую привязанность.

Глубоко символичен тот факт, что Петр Романович, верный памяти своего учителя, после ухода его из жизни, на протяжении нескольких десятилетий занимался разысканиями в области научного наследия великого предшественника М. П. Алексеева, академика А. Н. Веселовского, имя которого было предано забвению. Результатом этих разысканий стали книги, вышедшие в свет под редакцией Петра Романовича Заборова и восполнившие пробел в истории отечественной филологии: «Наследие Александра Веселовского» (СПб., 1992), «Александр Веселовский: Избранные труды и письма» (СПб., 1999), «Александр Веселовский: Актуальные аспекты наследия» (СПб., 2011; совместно с А. В. Лавровым).

Для становления Петра Романовича как выдающегося ученого огромное значение имело его тесное сотрудничество с серией «Литературные памятники», в которой в качестве автора научных статей, комментариев и ответственного редактора в соавторстве с великими переводчиками А. Л. Андрес, Э. Л. Линецкой и Ю. Б. Корнеевым он подготовил несколько блестящих книг, составляющих славу этой знаменитой серии: «Максимы и мысли. Характеры и анекдоты» Н. Шамфора (1966), «Год две тысячи четыреста сороковой» Л. С. Мерсье (1977), «Письма к госпоже Каландрини» Ш. Аиссе (1985), «Сирано де Бержерак» Э. Ростана (1997).

С самого начала своей научной деятельности в Пушкинском Доме Петр Романович стал принимать участие в работе Группы (ныне Отдела) по изучению русской литературы XVIII века, возглавлявшейся в 1950–1960-е годы П. Н. Берковым, о котором он позднее вспоминал с большим уважением и теплотой. Петр Романович и поныне остается участником трудов этого подразделения и проводимых им научных заседаний. Для серии сборников «XVIII век» и других изданий Отдела им были написаны ценные работы по истории русско-европейских связей этого периода: «Ломоносов во французском журнале 1820-х годов», «„Ночные размышления“ Юнга в русских переводах», «Гюго и Карамзин», «„Орлеанская девственница“ Вольтера в русских рукописных переводах», «Ф. Г. Голловкин и его архивные находки». Он внес значительный вклад в многолетний труд Отдела — «Словарь русских писателей XVIII века» (Л.; СПб., 1988–2020. Вып. 1–4), для которого подготовил два десятка статей о русских литераторах, преимущественно связанных с переводческой деятельностью. А интерес Петра Романовича к музыкальной культуре прошлого проявился в статьях «„Русская“ опера Гретри» и «„Русский путешественник“ в Парижской большой опере».

Исследования Петра Романовича Заборова по истории русско-французских литературных и культурных отношений получили известность и признание как в России, так и за рубежом, прежде всего, конечно, во Франции. Он — член Российского и Международного обществ по изучению XVIII века, Вольтеровских обществ в Париже и Фернее.

Будучи, подобно большинству достойных людей того времени, невыездным, Петр Романович только в период Перестройки впервые попал за границу,

а значит и во Францию, страну, изучение культуры которой стало его профессией. При этом любопытным эпизодом его биографии стали поездки вместе с Д. С. Лихачевым, в ту пору возглавлявшим Советский фонд культуры, во Францию для переговоров по возвращению культурных ценностей, которые потомки русских эмигрантов, доверившись авторитету Дмитрия Сергеевича, готовы были передать России.

Ремесло, которому Петр Романович посвятил жизнь, настолько, с его точки зрения, святое, что, обостряя разговор, он многократно во всеуслышание заявлял, что за эту благородную, облагораживающую человека работу грех получать деньги. И обычно коллеги, смутившись, не знали, что возразить.

Еще одна черта отличает Петра Романовича от большинства его коллег по историко-литературному цеху — литературоведение для него во многом является литературой. Работая над своими частными научными темами, он всегда старается добиться максимального языкового и стилистического совершенства. В этой связи невольно вспоминается Гюстав Флобер, который в одном из писем к И. С. Тургеневу, подготовленном Петром Романовичем к печати для академического Полного собрания сочинений и писем русского писателя, признавался: «Мне кажется, французская проза способна достигнуть такой степени *красоты*, какой мы пока даже представить себе не можем». Именно такая *красота* и отличает язык и стиль всех статей и книг самого Петра Романовича, мастерски сочетающего изящество научной мысли с изяществом формы и последовательно избегающего любых «изгибов» и «извивов» преходящей научной моды, как идеологически мотивированной в советские годы, так и деидеологизированной, современной — любой внешней «диктат» вызывает у него тихое (а иногда и громкое), упорное сопротивление.

Редкий по силе и глубине интерес Петра Романовича не только к книге, но и к человеку (т. е. к биографии писателей и к исследователям их творчества) в сочетании с уникальной памятью с первых дней его пребывания в Пушкинском Доме привел к тому, что он стал истинным летописцем живой истории Пушкинского Дома — ее свидетелем, участником, хронистом, помнящим все и обо всех, правда, записей не делавшим и продолжающим хранить все в своей памяти. Люди разных поколений обращались и обращаются к Петру Романовичу не только за научными справками, но и для того, чтобы услышать его увлекательный рассказ об истории Пушкинского Дома, его мнение о том или ином музыкальном произведении, спектакле, фильме. Эпоха Просвещения, которую Петр Романович любит и которую знает, как мало кто в России, его самого превратила в Просветителя, носителя и дарителя широких культурных интересов.

За 63 года работы Петра Романовича в Пушкинском Доме изменилось название Сектора, изменилось название Академии наук, изменилось название нашего города и нашей страны. Не изменился только Петр Романович, знаток и ценитель литературы, строгий критик и обаятельный собеседник, верный и преданный служитель науки, которой он посвящает все свои труды и дни, неизменно вызывая у коллег, в том числе совсем молодых, вступивших в чертоги Пушкинского Дома в самые последние годы, сильные и глубокие чувства — любви, восхищения и признательности.

В. Е. Багно,
М. Ю. Коренева,
Н. Д. Кочеткова,
С. И. Николаев